

**ВЫПУСКНИК ГОРНОГО ФАКУЛЬТЕТА ЛГИ
ГОРНЫЙ ИНЖЕНЕР АЛЕКСАНДР ДЗАХИЕВИЧ РЕВАЗОВ
(1908-1980)**

Представлены материалы о жизненном и трудовом пути выпускника горного факультета ЛГИ 1932 г. А.Д.Ревазова – крупного организатора горной промышленности и специалиста в области подземной разработки рудных месторождений.

In clause materials about a vital and labour way of the graduate of mining faculty LGI 1932 are presented to A.D.Revazova. He was the large organizer of a mining industry and the expert in the field of underground ore deposits.

Вся жизнь моего отца, Александра Дзахиевича Ревазова, без остатка была отдана развитию горного производства в СССР. Он стал студентом горного факультета ЛГИ в 1926 году, жил в общежитии на Малом проспекте, 40 (теперь, когда я проезжаю мимо этого дома, у меня сжимается сердце – сам не знаю почему). Отец был не первым горняком в семье, но первым с высшим образованием. Род Ревазовых происходил из аула Цуш, что в Северной Осетии. Он стоял высоко в горах, как бы в естественной крепости на правом берегу бурной реки Ардон, точнее в среднем течении этого могучего притока Терека. А на левом берегу Ардона со времен Екатерины II осваивались Садонское и Мизурское месторождения серебра, цинка и свинца. Мой дед, Дзахи Цабанович Ревазов, ежедневно в течение 40 лет вставал затемно, спускался с гигантского откоса к висячему мосту через Алагирское ущелье. Пересядя его, он попадал на рудник. Тридцать лет дед проработал бурильщиком.

Отец окончил институт по специальности «Подземная разработка рудных месторождений». Руководителем дипломного проекта был знаменитый профессор Николай Иванович Трушков. По окончании ЛГИ, он предложил отцу как «круглому» отличнику остаться на кафедре для дальнейшей работы. Отец был очень благодарен, но отказался. Ему не терпелось попасть на производство. Он получил направление в Кривой Рог, где работал мастером смены на руднике им. Карла Либкнехта, а очень скоро стал

начальником рудника им. Чубаря. Уже через два года он был отозван в Ленинград по просьбе академика Александра Евгеньевича Ферсмана, который был главным инициатором промышленного освоения Хибинских месторождений апатитов, никеля, железа и других полезных ископаемых. Отцу поручили возглавить санный поезд, который должен был выйти в Хибины в сопровождении небольшой группы, куда вошли инженеры, топографы, геологи, солдаты и несколько десятков расконвоированных зэков.

Из-за отсутствия полярной одежды, нехватки лекарств, низкого качества тракторов и слабой ремонтной базы экспедиция провалилась: люди болели и умирали, наконец, поезд остановился. Тогда-то их на аэросанях догнал Ферсман и несколько его спутников-специалистов. Оценив обстановку, Ферсман сказал: «Не волнуйся, Саша, поворачивай обратно. Все беру на себя. А за подготовку санного поезда хозяйственники ответят. Это вредительство!». Развернул свои сани и уехал.

По возвращении в Ленинград, через несколько дней, последовал вызов в Смольный на бюро обкома. Ревазову предложили отчитаться о том, как он загубил санный поезд обкома и Академии наук. Отец отказался выступать при подобной формулировке вопроса и С.М.Киров ее смягчил. Отец в течение 40 минут докладывал о плохой подготовке поезда, указал и на поздние сроки начала экспедиции. Было много реплик и заготовленный заранее проект решения: «Коммуниста А.Д.Ревазова за ... исключить из

рядов ВКП(б), дело передать в следственные органы». А отцу было только 24 года!

Но попросил слово академик Ферсман. Камня на камне он не оставил от обвинений. Коммунисту Ревазову предложил вынести строгий выговор без занесения в учетную карточку.

Отец по рекомендации А.Е.Ферсмана поступил в СНОП, теперь Гипроникель, и поэтому Александру Евгеньевичу я, в известном смысле, обязан своим рождением: в СНОПе познакомились мои родители.

К 1938 году отец был уже заправским проектировщиком и совмещал руководство горно-обогатительным сектором с работой главного инженера проекта Норильска. Он был первым ГИПом в истории этого предприятия. А начальником Дальстроя был выдающийся инженер, тогда заместитель народного комиссара госбезопасности Авраамий Павлович Завенягин, очень ценивший отца. В начале войны Завенягин послал отца в Верхоянск работать директором комбината Якутолово. Олово было крайне необходимо для производства танков и другой техники.

В 1944 году, сразу после снятия блокады, наша семья воссоединилась, и мы вернулись в Ленинград. Поселились в коммунальной квартире в здании Гипроникеля. Отец всегда много работал, но находил время поддерживать дружеские отношения с многими коллегами. Назову лишь несколько самых известных, тех, кого я помню с детства. Ферсман, приезжая в Ленинград, нередко приходил к нам. За обедом он неизменно нахваливал борщи моей мамы, Мины Абрамовны, выросшей на Украине и прекрасно готовившей. К сожалению, в 1945 году он умер. Николай Ильич Трушков всегда с уважением относился к отцу. Когда вышел учебник профессора «Разработка рудных месторождений» (1946-1947), отец с гордостью показал дома дарственную надпись автора. Я помню, как горевал отец, когда в 1947 году Николая Ильича не стало. Дружил отец и с профессором Павлом Ивановичем Городецким, чья книга «Проектирование горнорудных предприятий» (1955) с теплыми словами, адресованными отцу, долго сопровождала его, а потом и меня в наших странствиях. По делам отец общался с профессором Владимиром Николаевичем Се-

мевским. Иногда они проводили и свободное время – сохранилась фотография: оба за шахматной доской.

В 1949 году отец уехал в Москву, получив назначение стать главным инженером Главцинквинца. Это спасло его от прохождения в качестве обвиняемого по Ленинградскому делу. Ведь он был секретарем партбюро Гипроникеля, находившегося в Куйбышевском районе, а первым секретарем Куйбышевского райкома была Мария Александровна Вознесенская, родная сестра Николая Александровича Вознесенского, главного обвиняемого по Ленинградскому делу. Все окружение Марии Александровны было уничтожено.

В 1952 году Сталин принимал в своем кабинете группу горных инженеров, обогатителей и металлургов. Был среди них и отец. Stalin, как известно, всегда ходил по кабинету, а приглашенные, – сидели. Он остановился за спиной отца и сказал, очень тихо, с грузинским акцентом: «Ну, как, мы этот свинец добудем, товарищ Ревазов? Да вы сидите, сидите!». Отец ответил: «Мы, то есть Главцинквинец, нашли уникальное месторождение на границе Таджикистана и Узбекистана в районе Кураминского хребта Тянь-Шаня. Чтобы обеспечить наших товарищей 160 000 тоннами свинца, нам потребуется сделать рукотворный взрыв на выброс в мирных целях такой мощности, которого еще не знало человечество».

Присутствовавший на этом совещании М.Келдыш сказал: «Я не верю этим фантазиям!», на что возразил Stalin: «Я верю, Президиум верит, а Келдыш не верит, интересная получается коллизия! А если горняки снесут гору и откроют чистый свинец, вы поверите?». Келдыш молчал. «А к наградам их представите?» – продолжал Stalin. За Келдыша ответил Берия: «Представим, представим! Пусть только свинец дадут!». Завершая заседание, Stalin сказал: «Прозвучавшие здесь цифры будем считать контрольными. Больше можно. Меньше...» – он как бы замялся, за него продолжил Берия: «Меньше нельзя, наказывать будем, строго наказывать!».

Взрыв произведен был успешно. Месторождение вскрыто и через неделю экскаваторы погрузили первые самосвалы руды. Главцинквинец вернулся в Москву без по-

терь. Секретари партбюро, парткомов и выше готовили наградные листы, чтобы отметить наиболее отличившихся рабочих, инженеров и служащих на этих уникальных работах. Все документы поступили в ЦК. А в этой организации все должно было вылежаться. Но вскоре грянуло «Дело врачей», затем умер Вождь всех народов. В начавшейся борьбе за власть славные дела горняков оказались забыты. Наград в Главцинксинце никто так и не получил.

В жизни моего отца было еще три значительных периода, когда он круто менял свою деятельность.

Во-первых, когда Н.С.Хрущев решил организовать Совнархозы, отца отправили в Ташкент заместителем председателя Среднеазиатского совнархоза. Ему подчинялась тяжелая промышленность, что было в значительной степени понятно, так как строились гиганты индустрии Алмалыкский ГМК, Ангренский угольный разрез, Ошские угольные разработки и т.д. Но одновременно необходимо было вникать в выпуск сейлок, хлопкоуборочных комбайнов, которые работали плохо и требовали серьезных доработок.

В 1960 году отец вернулся в Москву и стал начальником ГлавНИИ при Госэкономсовете. В его подчинении было 76 НИИ, не вошедших в военно-промышленный комплекс. Ревазов с удовольствием общался с НИИ и проектными институтами горного профиля: родным Гипроникелем, Гипрорудой, Гипрошахтом, ВНИМИ, Гипроцветметом, Гиредметом, ВСЕГИНГЕО, НИГРИ, Гипроаллюминием, Гипромезом, Нипрозолото, Уральскими институтами. Но оставались еще текстильные, химические (невоенного характера), всего около пятидесяти, которым отец ничем не мог помочь как профессионал. Он просто говорил: «Где и что Вам подписать?». Он написал в ЦК и Совмин бумагу с предложением ликвидировать ГлавНИИ, а ему подобрать работу по специальности. Через несколько месяцев умер директор института Гипроцветмет, хороший человек и друг отца. По инициативе заместителя председателя Совмина А.Ф.Засядько, было принято решение о назначении А.Д.Ревазова директором Гипроцветмета.

В этой должности он, прослужив более 12 лет, закончил работу, став персональным пенсионером.

Завершая свой поневоле краткий текст, упомяну эпизод, произошедший в 1956 году. Я окончил Петер-шулле (школу № 222) в Ленинграде, где продолжал жить с мамой (наша семья распалась в 1949 г.). Тогда в моде была геофизика. Я позвонил отцу в Москву и сказал, что собираюсь на геофизический факультет. Он был краток: «Рекомендую горный факультет!». И я, послушный сын, ничего толком не понимая ни в геофизике, ни в горном деле, пошел и сдал свои документы по совету отца. Принимал их Юрий Михайлович Мисник (вечная ему память!). У меня был приличный аттестат – половина пятерок, остальные четверки. Глядя на него, преподаватель обрадовался. Лишь потом я понял, что с такими знаниями абитуриенты рвались на более престижные специальности. С тех пор я всегда гордился тем, что окончил именно горный факультет Ленинградского горного института им. Г.В.Плеханова. Жизнь впоследствии внесла корректировки в мою профессиональную деятельность, но эта статья не обо мне. Добавлю только, что Московский горный институт окончила моя дочь Катя, а сейчас в МГГУ учится внучка Маша. Таким образом, хотя мужская ветвь нашего рода и закончилась на мне, но не угас пиетет перед горным образованием в нашей семье. От рождения девушки Дзахи Цабановича до появления на свет Маши прошло 112 лет. Следовательно, около 100 лет Ревазовы отдали горному делу, а начало высшему горному образованию для нашей династии, как и для многих других, положил горный факультет ЛГИ тем, что в 1932 г. его окончил Александр Дзахиевич Ревазов.

Все награды, полученные мною за жизнь, я мысленно передаю ему, моему не награжденному отцу. Он их заслужил гораздо больше, чем я.

От души поздравляю родной факультет со 100-летием со дня основания! Профессорам, преподавателям и студентам факультета желаю здоровья и много славных инженерных свершений! Мои поздравления однокашникам!